

Время

Том 12

УДК 93
ББК 63.3
В81

В81   Время: Том 12 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 1014 с.

ISBN 978-5-518-10667-3

ISBN 978-5-518-10667-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

такъ какъ формировка его начиналась отъ корнетскаго чина и рѣдко переходила до ротмистерской, пока кипѣли молодыя силы и пока честолюбіе и жажда поживы не переработывали эту пустую, но порой добрую натуру. При тогдашней обстановкѣ моншеръ былъ счастливъ хоть тѣмъ, что жилъ единственно «для тону», имѣлъ какую-нибудь цѣль, положимъ нелѣпую, но безкорыстную и невредившую товарищамъ вообще, а солдату въ особенности. Моншеръ не входилъ ни во что, очень часто отстаивалъ подчиненныхъ и дарилъ своему взводу по чаркѣ водки, — правда, единственно «для тону», однако ни на комъ не ложился гнетомъ его деспотизмъ, даже, какъ я сказалъ выше, и на собственной прислугѣ.

Въ одномъ полку нашей дивизіи былъ моншеръ, поручикъ Танковъ, котораго всѣ вообще называли monsieur Танковымъ. Подъ этимъ именемъ онъ былъ извѣстенъ и у солдатъ, и у высшаго начальства. Титуль свой приобрѣлъ онъ еще въ званіи юнкера. Всегда щегольски одѣтый молоденькій фраптикъ, онъ и въ нижнемъ чинѣ еще обнаруживалъ всѣ признаки моншерства, и потому частенько попадался не въ форменной одеждѣ. По какому-то случаю прибылъ онъ въ корпусную квартиру. Начальникъ штаба былъ строгъ въ высшей степени, и его боялись гораздо больше корпуснаго командира. Проходя по площади, юнкеръ Танковъ встрѣтилъ начальника штаба, котораго впрочемъ звалъ только по имени, и вмѣсто того чтобъ остановиться во фронтъ, снявъ фуражку, за четырнадцать шаговъ, раскланялся съ нимъ какъ съ обыкновеннымъ знакомымъ. Генералъ подо- звалъ его.

— Какъ ваша фамилія?

— Monsieur Танковъ.

— Очень пріятно познакомиться. Ступайте же прямо на гауптвахту и скажите, что васъ прислалъ monsieur З—ій.

Съ тѣхъ поръ за Танковымъ упрочился титуль monsieur и сопровождалъ его чрезъ всю служебную карьеру.

Моншеры пользовались расположеніемъ товарищей, впер- выхъ потому, что были добрыя малые, вовторыхъ—для много служили предметомъ подражанія, а втретьихъ самый закоренѣлый служака хоть и считалъ ихъ никуда негодными, однако усердно сѣтался надъ ихъ продѣлками «для тону». Моншеръ былъ не- прочь и подрагаться на дуэли, но предпочиталъ дипломатическія

соглашенія и развѣ уже рѣшался рубиться «до первой крови», т. е. до первой царапины, а между тѣмъ любилъ на сторонѣ рассказывать о своихъ подвигахъ, рисуясь передъ провинціальными барышнями. Моншеръ всѣми силами добивался одного: чтобы о немъ говорили; заводилъ обширный кругъ знакомства, хорошо танцевалъ, судилъ вкривь и вкось о французской литературѣ; записочки, даже къ казначею о присылкѣ «въ счетъ жалованья», писалъ на раздушенныхъ бумажкахъ, и величайшимъ несчастьемъ въ жизни считалъ надѣть грязныя перчатки. Моншеръ всегда и вездѣ радъ былъ увильнуть отъ службы и опредѣлялся въ полкъ собственно для военнаго мундира, который даетъ извѣстную долю значенія въ обществѣ. Моншеръ въ караулѣ обыкновенно располагался какъ дома и стоялъ не такъ какъ прочіе офицеры, что позволяли себѣ разстегнуть форму или заснуть какъ-нибудь на неуклюжемъ диванѣ, а велѣлъ стлать себѣ пуховикъ, раздѣвался какъ слѣдуетъ и ложился на покой безъ церемоніи. И многимъ изъ нихъ это сходило съ рукъ, тогда какъ другой исправный офицеръ за бездѣлицу подвергался лишеніямъ. Истинный моншеръ не зналъ ни аза въ глаза въ службѣ, и если ему доводилось командовать взводомъ, онъ портилъ ученье, ломалъ эскадронъ и потомъ безропотно отправлялся на гаупвахту. Онъ даже тщеславился этимъ и весело рассказывалъ кому-нибудь о своей продѣлкѣ. Однажды въ маѣ во время кампанента я былъ боленъ лихорадкой и лежалъ въ госпиталѣ. Хорошая погода вызвала меня въ садъ, и блуждая по крайней аллеѣ, я прислушивался къ сигналамъ, раздававшимся по плацу, гдѣ начальникъ штаба смотрѣлъ полкъ нашъ. Раздался конскій топотъ. Передо мною остановился корнетъ К...

— Что ты? спросилъ я, поздоровавшись.

— Отправляюсь, моншеръ, на гаупвахту.

— За что?

— Цѣлая исторія! Ха-ха-ха! Представь: скомандовали по моему взводу строить полкъ налѣво.

— То-есть перемѣна фронта?

— Не знаю. Миѣ вахмистръ подсказалъ что командовать, но я ошибся, и вслѣдствіе этого полкъ построился хвостами къ генералу. Ха-ха-ха!

— И распекли?

— Налетѣли какъ ястребы. На гаупвахту, на недѣлю!

— Миѣ помнится, тебѣ ни одно ученіе не проходило даромъ.

— Послѣ кампанента выпрошусь въ отпускъ, а тамъ или поѣду за ремонтъ, или пойду въ адъютанты къ генералу Ш...

— То-то заживешь!

— Ужь конечно задамъ не такого тону.

Нашъ кавалерійскій моншеръ имѣлъ кое-какія средства, потому что званіе его требовало иногда издержекъ, немислимыхъ при одномъ жалованьи; но пѣхотные моншеры, какъ люди преимущественно недостаточные, ухитрялись моншерствовать и при весьма ограниченномъ содержаніи. Но въ какой бы ни былъ моншеръ формѣ, — въ адъютантской ли, полковой, наконецъ въ гарнизонной, — онъ оставался вѣренъ своему призванію и несмотря ни на какую, даже самую неблагоприятную обстановку, наслаждался жизнью, разумѣется по-своему, настолько, насколько могъ, покупая эти наслажденія кучею распеканцій, долговременнымъ арестомъ, неочереднымъ карауломъ и т. п. Моншеръ не пропускалъ ни одного бала не только у сосѣднихъ помѣщиковъ, но и въ другихъ губерніяхъ, за всѣми хорошенькими ухаживалъ сплошь и рядомъ, бывалъ иногда влюбленъ (произнося это слово съ носовымъ *н*) и во имя этой любви готовъ былъ на всякія глупости, особенно если послѣднія, по его миѣнію, требовались для поддержки тону.

Моншерство, какъ я уже говорилъ, не простиралось далѣе ротмистра, во первыхъ потому, что истинный моншеръ рѣдко дослуживалъ и до этого чина, во вторыхъ — съ лѣтами, соскучась бить баклуши и небудучи уже въ состояніи скакать на балахъ, многіе переставали жить для тону и начали обдѣлывать дѣлшки. Моншеры впрочемъ не составляли особой касты, но при встрѣчѣ другъ съ другомъ охотно сближались и задавали тону всевозможными способами, нерѣдко переходя безъ церемоніи границу благоразумія.

Кавалерійскій моншеръ вообще любилъ побуянить, особенно тамъ, гдѣ надѣялся на поддержку товарищей, но буйство его не заходило дальше какой-нибудь исторіи со статскимъ или пѣхотинцемъ, которые въ то время, незнаю ужъ почему, пасовали передъ кавалеристами. Мы такъ были увѣрены въ своемъ превосходствѣ передъ пѣхотой, что съ явнымъ высокомеріемъ смотрѣли на этотъ родъ войска и какбы считали обязанностью дѣлать разныя штуки пѣхотинцамъ. Въ это время дразнили ихъ

фразой: «пѣхота, не пыли!» На смотрахъ, гдѣ сталкивались войска разнаго рода оружія, послѣ дождя, когда бывало кавалерійская колонна несется на рысяхъ мимо пѣхотнаго строя, брызжетъ грязью на бѣлые панталоны, и какой-нибудь отчаянный всадникъ произнесетъ эту фразу, — пѣхота выходитъ изъ себя и несмотря что во фронтѣ, осыпаетъ кавалеристовъ ругательствами. Кавалерійскій моншеръ важничалъ передъ пѣхотинцемъ, потому что прекрасный полъ того времени бредилъ кавалеристами. Столкновения съ пѣхотой у насъ были иногда чрезвычайно комичны, и я здѣсь кстати не могу не припомнить одного происшествія, которое нѣсколько обрисуетъ нравы и обычая эпохи и вмѣстѣ покажетъ отношенія войскъ обоихъ родовъ оружія. Полкъ нашъ стоялъ въ поселеніи. На работы къ намъ приходила резервная пѣхотная дивизія. Для пѣхотныхъ батальоновъ устроены были особые бараки, и пѣшіе офицеры не только не смѣшивались съ нами, но рѣдко даже встрѣчались и не были знакомы. Изрѣдка развѣ любопытные смотрѣли ученье — мы у нихъ, они у насъ, причемъ наши обыкновенно надъ ними подсмѣивались. Даже кавалерійскіе солдаты подшучивали надъ пѣхотинцами.

Былъ у насъ изъ вольноопредѣляющихся одинъ юнкеръ М., добрый малый лѣтъ за двадцать-пять, но такой страшный картежникъ, что постоянно день и ночь металъ и поигрывалъ. Иногда бывало продуется до нитки и сидитъ дома безъ рейтузъ, иногда навыйграетъ пропасть денегъ, вещей, экипажей, лошадей, серебра, — и тогда у него разливное море. Ъздилъ онъ какъ-то въ корпусную квартиру и возвратился оттуда въ прекрасной коляскѣ, навезъ вещей, золота и асигнацій. Разумѣется первымъ дѣломъ было созвать товарищей, задать пиръ, а потомъ пустить выигрышъ въ дѣло. Въ штабѣ находились многіе офицеры, всѣ юнкера, такъ что на пирушку собралось человѣкъ тридцать. Дѣло происходило лѣтомъ. М. въ пышномъ халатѣ и вышитой ермолкѣ, сидя у окна, курилъ изъ дорогого янтара не простой жуковъ, а пятирублевый Р. А., — табакъ, считавшійся верхомъ роскоши. Къ намъ только-что опредѣлился юнкеръ З., молоденькій мальчикъ, едва успѣвшій надѣть форму. Онъ подходилъ уже къ квартирѣ М., и увидя хозяина въ окнѣ, остановился съ нимъ разговаривать. Въ это время по какому-то случаю проѣзжалъ мимо командиръ резервнаго батальона. И те-

перь пѣхотивцы не мастера ѣздить верхомъ, но въ то время невозможно представить себѣ ничего комичнѣе пѣхотнаго ученья, на которомъ разѣзжали штабъ-офицеры и адъютанты, часто на упряжныхъ лошадяхъ, принимая самыя уморительныя позы. Господа эти при встрѣчѣ съ нами обыкновенно ѣхали шагомъ, потому что на этомъ аллюрѣ могли еще сохранить кавалерійскую посадку. Замѣтивъ кружокъ офицеровъ и юнкеровъ, пѣхотный майоръ подбоченился молодцомъ и даже подобралъ лошадь. Юнкеръ З., засмотрѣвшись ли на ѣздока, или по оплошности, не снявъ фуражку и майоръ, подѣхавши къ нему, началъ распекать молодого человѣка. Тогда М., обратясь къ З., закричалъ ему :

— Г. юнкеръ! извольте отправиться на гаупвахту, вы забываетесь! А васъ, г. майоръ, прошу извинить новичка: онъ плохо еще понимаетъ дисциплину.

Майоръ раскланялся и позабывъ осторожность, пустился рысью, причемъ потерялъ посадку, одно стремя и скрылся за лавки, болтая локтями. Мы едва удерживались отъ смѣха въ продолженіе всей этой сцены. На другой день полковникъ смотрѣлъ юнкерскую ѣзду въ манежѣ. Незнаю уже, зачѣмъ батальонному командиру нужно было видѣть нашего полковника, онъ пріѣхалъ прямо въ манежъ и остался смотрѣть юнкеровъ по приглашенію послѣдняго. М. ѣздилъ первымъ номеромъ. Замѣтивъ пристальные взгляды майора, онъ по возможности старался отворачиваться и дѣлалъ страшныя гримасы, чтобъ не быть признаннымъ. Майоръ, обратясь къ одному изъ пѣшихъ юнкеровъ, спросилъ фамилію перваго нумера.

— Юнкеръ М., отвѣчалъ спрошенный и догадался прибавить: — у него есть братъ, который командуетъ эскадрономъ.

Майоръ удовольствовался отвѣтомъ.

Изъ моншеровъ бывали и картежники, но это случалось довольно рѣдко, потому что картежникъ не имѣлъ времени жить «для тону», а моншеръ не могъ существовать иначе. Задавать тонъ при какихъ бы то ни было условіяхъ, вочто бы то ни стало, даже въ ущербъ своему карману и репутаціи — моншеръ считалъ первой обязанностью, и продѣлывалъ «для тону» такія вещи, какія теперь не могутъ придти въ голову новѣйшимъ самодурамъ.

Въ то время Печоринъ казался недосыгаемымъ героемъ, — а

это былъ одинъ изъ лучшихъ людей, человѣкъ съ образова-
ніемъ. Чѣмъ же могло казаться большинство армейскихъ офи-
церовъ, воспитывавшихся много-много что въ какомъ-нибудь
пансіонѣ? Не говорю собственно о служакахъ, фронтовикахъ,
которые, сроднившись съ формалистикой, рѣшились всю жизнь
оставаться на службѣ — кто изъ желанія чего-нибудь добиться,
кто сколотить копѣйку, а кто просто изъ любви къ искусству :
эти служили понимая свои обязанности по-своему. Но моло-
дежь, такъ называемые панычи, имѣвшіе состояніе, опредѣляв-
шіеся въ полкъ для мундира — тѣ рѣшительно въ полномъ смы-
слѣ слова убивали время. И я право не вижу, отчего моншеръ
« для тону » убивалъ его неприличнѣе, нежели другой для кутежа
и тому подобныхъ удовольствій, поглощавшихъ не только досуги,
но и недосуги субальтернъ-офицеровъ. Съ небольшимъ какихъ-
нибудь десятка три лѣтъ, а какъ подумаешь, становится страшно
даже при воспоминаніи о той безотрадно-глухой порѣ, въ кото-
рую провинціальная жизнь представляла какое-то безвыходное
болото, втягивавшее въ себя молодыя силы. Въ то время, когда
въ столицѣ люди начинали выработывать здоровыя понятія о
жизни и пускать ихъ въ оборотъ, насколько было у нихъ воз-
можности, провинція спала непробуднымъ сномъ, и лишь моло-
дежь, разумѣется не вся, и то до окончанія курса, трудилась
для науки и выказывала благородныя стремленія. Но съ атеста-
томъ въ рукахъ юноша поскорѣе записывался въ полкъ или въ
канцелярію, спѣшилъ проникнуться убѣжденіями новой среды,
незамѣтно и быстро втягивался въ рутину и послѣ самъ же
смѣялся надъ своими прежними вѣрованіями и воззрѣніями.

Молодежь прозябала въ полномъ смыслѣ слова, и поэтому-
то моншеры, при строгомъ взглядѣ на предметъ, не должны ка-
заться аномаліей. Теперь молодой человѣкъ, прослуживъ не-
много въ полку и видя, что военная служба не его призваніе,
дѣлается мирнымъ гражданиномъ и занимается сельскимъ хозяй-
ствомъ, или становится торговцемъ, или приобрѣтаетъ какія-ни-
будь спеціальныя познанія, и никто не ставитъ ему въ укоръ ни-
какого честнаго занятія, разумѣется за исключеніемъ тѣхъ мѣл-
ныхъ лбовъ, которые были, есть и будутъ въ каждомъ обществѣ.
Но въ то время — другое дѣло. Барышничать вапримѣръ ло-
шадьми и надувать что-называется отца родного — не считалось
предосудительнымъ, но заняться торговлей — фи, какой срамъ!

Впрочемъ на это все дворянство смотрѣло подобными глазами. Помѣщикъ . самъ копавшійся въ навозѣ, пересчитывавшій тальки, собиравшій гнилыя яблоки и торговавшій всякой дрянью въ имѣніи, свысока третировалъ купечество и низачто не очутился бы за официальнымъ прилавкомъ. Предразсудки такъ еще были тверды въ то время, что величайшимъ оскорбленіемъ считался «неровный бракъ», то-есть если супруги происходили не изъ одной и той же среды. Какой-нибудь молодой человѣкъ, увлекшійся страстью, женился напримѣръ на бѣдной гувернанткѣ. Мало того, что родители иногда лишали его за это наслѣдства и предавали проклятію, но и посторонніе кричали, что онъ «опозорилъ сѣдины отца», «бросилъ неизгладимое пятно на древнее имя», «поругался надъ законами приличія». Всѣ эти формы впрочемъ повторяются и до настоящаго времени въ извѣстномъ кругу общества, омертвѣвшемъ въ своемъ печальномъ застоѣ. Слой этотъ оградилъ себя прочною стѣною отъ всякаго соціального движенія впередъ и упорно продолжаетъ выполнять отжившія преданія, несмотря-что отовсюду жизнь двинулась къ лучшимъ стремленіямъ.

Великосвѣтскіе франты, будь они сорванцы, шелопуты, служили образцомъ «хорошаго тона» даже для людей, стоявшихъ неизмѣримо выше ихъ по развитію и образованію. Этотъ несчастный «хорошій тонъ» погубилъ не одну даровитую натуру, немогшую подняться выше уровня свѣтскости, окончательнаго тогдашняго мѣрила всѣхъ достоинствъ человѣческихъ. У насъ въ арміи, гдѣ все служили провинціалы, не видавшіе столицы, образцами для подражанія были отпускные гвардейцы, которые считали обязанностью задавать тону въ провинціи. Конечно теперь танцы потеряли много, хотя все еще ничуть не выводятся: въ благородномъ собраніи напримѣръ въ Петербургѣ верѣдкость видѣть полькирующими и колѣноподобную лысину и почтенныя сѣдины; но въ эпоху, о которой рѣчь, танцы составляли впервыхъ единственное общественное развлеченіе, воторыхъ служили средствомъ выказывать свои достоинства. Отличный мазуристъ или вальсеръ верѣдко пользовались снисхожденіемъ начальства, и не одинъ офицеръ попадалъ въ адъютанты только за то, что не имѣлъ соперника въ танцахъ. Теперь, если безъ танцевъ можно слыть порядочнымъ человѣкомъ и побѣждать женскія сердца, то прежде, въ провинціи, да еще офицеру, неммыслимо было счи-

таться порядочнымъ, если онъ танцевалъ дурно. Не танцевать рѣшительно не допускалось.

Вслѣдствіе этого и моншеры, къ какому бы роду оружія ни принадлежали, непременно были записные танцоры и любили первенствовать на всѣхъ балахъ, тщеславясь своими хореографическими способностями. Нѣкоторые изъ нихъ посвящали цѣлые дни на изобрѣтеніе какой-нибудь замысловатой фигуры: въ мазуркѣ, показавъ которую на балѣ, бывали довольны именемъ авторовъ, присутствующихъ въ театрѣ при первомъ представленіи своей пьесы. Танцоровъ преимущественно обожали барышни, и были примѣры, что хорошенькая и образованная дѣвушка влюблялась въ обыкновеннаго господина только потому, что онъ ловче другихъ танцевалъ и умѣлъ рисоваться по баламъ. Конечно и не изъ моншеровъ встрѣчались хорошіе танцоры и страстные любители этого искусства въ ту танцевальную эпоху, однако моншеры занимались этимъ исключительно и вездѣ получали пальму первенства. Въ какой бывало домъ ни пріѣдешь, гдѣ только есть дѣвицы и какое-нибудь фортепяно, наконецъ разбитый органъ, тотчасъ затѣвались танцы въ четыре, даже въ двѣ пары и продолжались до разсвѣта, возобновляясь на другой день послѣ завтрака, и могли бы образовывать *perpetuum mobile*, еслибы пары могли не разставаться. Для влюбленнаго много прелести въ танцахъ, въ которыхъ дѣйствительно удобно и говорить, и показывать чувства, но вѣрныя полотеры въ наше время не смотрѣли на это, а отхватывали до утра изъ любви къ искусству, собственно занятые процесомъ, и были такіе, извѣстные впрочемъ далеко въ околodкѣ, которыхъ хозяйка надерерывъ приглашала на балы, потому что эти неутомимые плясуны танцевали сколько и съ кѣмъ угодно, лишь бы совѣсть оставалась чиста, что они не пропустили ни одного танца. Такому аматеру хозяйка могла смѣло предложить, не только для легкихъ танцевъ и кадрили, всѣ бальные обноски, всю кафель, ненаходившую добровольныхъ мучениковъ, а лишь та хозяйка казалась вполнѣ гостепріимной и популярной, у которой въ домѣ всѣ танцевали. У нихъ помѣщиковъ обыкновенно послѣ ужина вытаскивались изъ-за картъ и толстяки и старцы, и тутъ-то примѣнялась гоголевская фраза: «пошла писать вся губернія!»

Моншеры знали всѣ балы за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ въ смежныхъ уѣздахъ и губерніяхъ, и будь пора ученій, караульная

очередь или смотръ, — моншеръ летѣлъ на балъ пождать лавры, еслибы за это долженъ былъ поплатиться додговременнымъ арестомъ или предложеніемъ начальства оставить полкъ.

Однимъ словомъ моншеры всегда и вездѣ были вѣрны себѣ, вѣрны своему принципу, и несоставляя отдѣльной, замкнутой касты, дѣйствовали единодушно для тону, жертвуя иногда и личной свободой, и служебной карьерой.

Штабъ —скаго уланскаго полка походилъ на прочія поселенныя деревни утомительнымъ однообразіемъ построекъ, одинаковостью крышъ, ставень, и только кое-гдѣ отличался пышными деревьями, которыхъ не успѣли вырубить заботившіеся объ истребленіи дорогихъ садовъ, воспитанныхъ нѣсколькими поколѣніями. На половинѣ длинной, тянувшейся въ нѣсколько верстъ улицы разбита была правильная площадь, посреди которой стояла церковь, а вокругъ съ двухъ сторонъ шли офицерскіе дома, совершенно одинаковой архитектуры, обнесенные выбѣленными заборами и обстроенные необходимыми службами, тоже стоявшими въ ранжирѣ, словно на парадѣ. На третьей во всю длину стоялъ госпиталь съ недурнымъ садомъ, а на четвертой сторонѣ площади вытянулись небольшой гостиный дворъ, трактиръ и въ самомъ углу гаупвахта противъ квартиры полковаго командира. У нѣкоторыхъ домиковъ, огороженныхъ палисадниками, росли кустарники и цвѣты, но общій видъ на эту площадь и на все село производилъ тяжелое, гнетущее впечатлѣніе. Въ извѣстные часы двигались по площади извѣстные люди, проходили смѣны часовыхъ, проводили лошадей на водопой, да подъ-вечеръ выходило гулять все чиновное населеніе. Въ довершеніе всего ни одна пробѣгая дорога не пролегла чрезъ поселеніе, и въ немъ никого не было видно кромѣ военныхъ. Одна только круглая шляпа, принадлежавшая откупному повѣренному, нарушала однообразіе форменныхъ фуражекъ, да статское платье носили нѣсколько лакеевъ у записныхъ франтовъ. Нѣкоторые джентльмены шли слугамъ партикулярное платье изъ шикю, а другіе для того, чтобы на балахъ подтрунивать надъ статскими щеголями.

Въ одномъ изъ офицерскихъ домиковъ три окна на улицу были украшены кисейными занавѣсками и на нихъ стояло нѣ-

сколько алебастровыхъ фигуръ, доставляемыхъ намъ итальянцами, которые разносятъ ихъ не только по столицамъ, но и въ провинціи. Это была квартира поручика Балобайкина, перваго франта въ полку и отъявленнаго моншера. Внутренность его помѣщенія такъ рѣзко не походила на помѣщенія прочихъ офицеровъ, что молва объ этомъ далеко разнеслась по окрестнымъ помѣщикамъ, и каждый изъ постороннихъ, кто по какому бы то ни было случаю попадалъ въ штабъ полка, считалъ обязанностью посѣтить Балобайкина и собственными глазами убѣдиться въ роскоши и изысканности мебели и комфорта. Собственно говоря ничего этого не было у франта-поручика, но принявъ во вниманіе, что прочіе офицеры жили далеко не комфортабельно и рѣшительно не заботились объ убранствѣ квартиръ, мебелировка и разныя вещи Балобайкина могли казаться чѣмъ-то необыкновеннымъ. Въ прихожей комнатѣ у него всегда торчалъ опрятно-одѣтый мальчикъ, «грумъ» на языкѣ офицерскомъ и «громъ», какъ называли его солдаты, въ будничные дни сывавшій шпидли и вообще ничего недѣлавшій, но который по праздникамъ никого не пускалъ безъ предварительнаго доклада. Последнее заведено было Балобайкинымъ «для тону», что сперва оскорбляло товарищей, которые впрочемъ привыкли къ подобному порядку впоследствии. Изъ передней дверь вела въ гостиную, довольно большую комнату, гдѣ сносная мебель загромождала все пространство, такъ что пройти было некуда. На овальномъ столѣ передъ диваномъ стояла бронзовая лампа, а по угламъ этажерки съ разными незатѣйливыми бездѣлками. Полъ покрытъ былъ полинялымъ ковромъ; на стѣнахъ въ золоченыхъ рамкахъ висѣли плохія гравюры. На спинкахъ креселъ и стульевъ висѣли анти-маконары, а на диванѣ лежали три или четыре вышитыхъ подушки — сувениры знакомыхъ барышень, за которыми ухаживалъ неутомимый Балобайкинъ. Но что больше удивляло посѣтителей — это кабинетъ франта-поручика, то-есть большая длинная комната, которую ситцевая перегородка раздѣляла на двѣ неровныя части. Въ этой комнатѣ въ углу стояло тусклое трюмо, а противъ окна небольшой столъ съ высокимъ зеркаломъ, отъ верху котораго полосы кисеи спускались до самаго пола. Самый столъ покрывался такой же кисеей, и на немъ-въ удивительномъ порядкѣ разложены и разставлены были различныя туалетныя принадлежности, даже въ нѣсколькихъ экземпля-